

Глухая стена сараев и сходящийся под прямым углом забор надежно скрывали дальний пяточок двора от любопытных глаз. Здесь, в тени пустующей голубятни, вокруг импровизированного стола-ящика, кто на чурбачке, кто на сложенных в столбик старых кирпичах, мостились Иванов, Петров и Сидоров.

На застеленном газетой ящике красовались водочная бутылка, разнокалиберные стаканы, треть буханки хлеба и пара свежих огурцов. В добавление к обычным атрибутам выпивки-закуски в кулечке, слипшиеся, лежали конфеты-леденцы.

Сервировавший стол Иванов довольно обвел его глазами и заявил:

– А чё? Вроде всё кайфово получилось!

– Ну, погнали? – подпрыгивал на чурбачке нетерпеливый Сидоров. –

Погнали, а?

– Спешка нужна только при ловле блох, – авторитетно повторил Иванов где-то услышанную поговорку, важно выдержал паузу и скомандовал: – Разливай!

– По половинке или как? – проконсультировался Петров, берясь за бутылку.

– По полной! – распорядился Иванов. – Мы не слабаки!

– А пьем за что? – уточнил и опять подпрыгнул Сидоров.

Прятели задумались...

– Во! За дружбу! – наконец провозгласил стоящий тост Иванов.

– Мирowo!

Прятели подняли стаканы. Чокнулись. Выпили...

Иванов схватился усиленно нюхать хлеб. Сидоров надкусил огурец, жевнул и сплюнул в сторону:

– Горький, жуть!

Огурец вернулся на газету. А Петров скромно взял конфетку и громко зачмокал.

– Как маленький! – возмущился Иванов. – До таких лет дорос, а всё сладкоежка.

Но по инерции и сам потянулся к кульку. За ним – Сидоров...

Посасывая конфетку, Иванов вдруг качнулся и прогнусавил в его сторону:

– Т-ты... Ты мне друг или н-нет?

– А тебя это сильно колышет? – удивился Сидоров.

– Сильно! – И, подумав, Иванов схватил Сидорова за рубашку. – А может, ты вообще бандит!

Петров как бы невзначай снова сунулся к кульку.

– Сбесился, что ли? – дернулся в сторону Сидоров. От его рубашки отлетели две пуговицы, одна «с мясом». – Козел! – обидчиво возмущался Сидоров, шаря по траве. – Мы так играть не договаривались! Думаешь, на год старше, так и все можно? Что я теперь ма-аме скажу?

– Ой-ой! Маменькин сынок! Из-за чего бы плакаться...

Иванову и самому было неловко за оторванные пуговицы, но смущение он пытался скрыть под маской грубости.

– Сам ты сынок маменькин! – стонал Сидоров, поднимая клочок рубашки с пуговицей. – Щас как бы дал в рыльник!

– Ты чё, обнаглел, мелкий? – уже озлился Иванов: еще бы, такой удар по авторитету!

Петров досасывал очередной леденец.

– Подумаешь, крупный нашелся! – огрызнулся Сидоров. – Щас вот... приемчиком...

– Сопляк припухший! – подскочил к нему с угрозой Иванов. – Вчера на секцию записался?

– Шухер! – крикнул Петров, взвившись с кирпичей и поспешно закидывая в рот еще два леденца.

Перед распетушившимися мальчишками стояли трое взрослых мужчин. У одного красноречиво оттопыривался пиджачный карман, другой держал в руках газетный сверток. Несколько секунд взрослые обозревали следы детского застолья.

– Гаденыши! Что делают, а? – вдруг взревел крупный мужик с сизым носом в фиолетовых прожилках.

– Куда учителя смотрят? Стервецы! – поддержал негодующие возгласы второй мужчина, в очках.

– Д-да... С таких лет... – негромко попенял ребятне морщинистый, с сильной проседью третий мужчина болезненного, усталого вида.

Закончил воспитательную работу, как и начал ее, сизоносый: живительная влага под сердцем напорно просилась в глотку, и мальчишек требовалось поскорее разогнать с облюбованной территории. – Пороть их всех надо! – потрясая сжатым кулаком, рывкнул здоровяк, и его ладони устремились к брючному ремню.

Иванов чуть ли не с разбега пронырнул сквозь дыру в заборе. Сидоров по трухлявой лестнице взлетел на голубятню, спрыгнул оттуда на сарай и помчался по разновысоким крышам, соображая, где лучше спуститься на землю. Петров же, не забыв прихватить кулек с остатками леденцов, резким виражом обогнул старшее поколение и юркнул в проход меж сараями и забором.

– Д-да... И дети же пошли... С малолетства – и нате вам... – продолжал монотонно-приглушенным голосом мужчина с сильной проседью.

– Ну, мы-то не дети! – И при этих словах мужчина в очках развернул сверток с закуской. – Имеем полное право! Выходной!

Здоровяк вдруг неуловимым движением опрокинул в рот содержимое оставленной на ящике бутылки – в ней еще виднелось немного прозрачной жидкости.

– Э-э! Куда? – возмущенно завопил мужчина в очках, но сизоносый уже сплюнул и выругался, отшвырнув бутылку в сторону.

– Вода... Бли-ин! – с болью разочарования в голосе протянул он.

– Не по-хозяйски ты... – упрекнул его мужчина в очках, радуясь, что собутыльнику не перепало лишнего глотка спиртного. – По деньгам пусть мелочь, а другой-то раз в аккурат ее и не хватает. – И бережливо поднял отброшенную стеклотару, тут же проверив: цела ли.

А морщинистый мужчина тем временем с горечью и грустью посетовал:

– Д-да... А мы-то, помнится, в детстве всю дорогу в войну играли.